

colleen oakley

*Close enough
to touch*

КОЛИН ОУКЛИ

Почти
касаюсь

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-90

Colleen Oakley
CLOSE ENOUGH TO TOUCH

Copyright © Colleen Tull, 2017
This edition is published by arrangement with Emma
Sweeney Agency LLC and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *М. Стражгородской*

Художественное оформление *А. Дурасова*

Оукли, Колин.

О-90 Почти касаясь / Колин Оукли ; [пер. с англ.
М. Стражгородской]. — Москва : Эксмо, 2018. —
384 с.

ISBN 978-5-04-091906-2

Можно ли скучать по тем чувствам, что никогда не испытывал?

У Джубили редкое заболевание – аллергия на людей. Это вовсе не смешно: одно лишь прикосновение может вызвать у нее сильную реакцию, а поцелуй и вовсе убить. И кажется, можно провести всю жизнь, не выходя из дома, ведь есть книги и доставка еды. Но однажды Джубили понимает, что одинока. Ей необходимо что-то предпринять. Ведь она даже не может вспомнить каково это – когда тебя обнимают.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Стражгородская М., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-091906-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Моей старшей сестре Меган, за все

Не нужно мне ни знаний, ни титулов, ни почета.
Лишь эта музыка, эта заря и тепло твоей щеки рядом.

Руми

Часть
первая

Ты можешь быть тише воды
и ниже травы, но однажды тебя
все равно найдут.

Харуки Мураками, 1Q84

(Двадцать лет назад)

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

ДЕВОЧКА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ТРОГАТЬ

Уильям Колтон

С первого взгляда Джубили Дженкинс ничем не отличается от самой обычной третьеклассницы. Она может назвать по именам всех трех девочек из мультфильма «Суперкрошки», которые нарисованы на ее футболочке (и назовет их, если ее попросить), она специально надевает носки разных цветов, как того требует этикет начальной школы Гриффин. Яркие резиночки не дают ее тонким красно-каштановым волосам падать на лицо.

Дженкинс и в самом деле похожа на множество других третьеклассниц Америки, да хотя бы тем, что у нее аллергия. Согласно отчетам Всемирной аллергологической организации, с середины 1980-х годов количество детей с астмой или аллергией только растет, и особенно врачей пугает рост пищевой непереносимости.

Вот только у Дженкинс аллергия не на арахисовое масло. И не на пчел. И не на домашних животных. И не на какой-то из подобных распространенных аллергенов.

У Джубили Дженкинс аллергия на других людей.

Джубили была обычным младенцем, ее родила мать-одиночка Виктория в 1989 году. Вот что рассказывает старшая Дженкинс: «У нее было прекрасное здоровье. В семь недель она спала все ночи напролет, в десять месяцев уже пошла. До трех лет все было отлично, а потом начали появляться ранки».

Именно тогда миссис Дженкинс, которую только-только назначили менеджером в магазине «Belk» в Фонтейн-Сити в штате Теннесси, заметила сыпь у Джубили. И это была не просто пара прыщиков.

Коллин Оукли

— Это было просто ужасно: раздувшиеся волдыри, зудящая сыпь, сводившая ее с ума, чешуйки кожи, свисающие с рук и лица. Она кричала от боли, — рассказывает Дженкинс-старшая.

За шесть месяцев миссис Дженкинс нанесла более 20 визитов семейному врачу, а также в кабинет неотложной помощи в больнице — и все безрезультатно. Трижды Джубили пришлось реанимировать при помощи эипена¹ из-за анафилактического шока. Врачи разводили руками в недоумении.

Так продолжалось еще три года, за которые Джубили сдала все известные в двадцатом веке тесты на аллергены.

— Ее крошечные ручки были похожи на игольницы. И дома мы уже все испробовали: сменили все моющие средства, вели дневник питания, убрали все ковры, перекрасили стены. Я даже бросила курить! — говорит мама Джубили.

Это продолжалось, пока они не встретили доктора Грегори Бенефилда, аллерголога и впоследствии адъюнкт-профессора университета Эмори в Атланте. Тогда у них наконец начали появляться ответы на вопросы.

(Продолжение на странице 101)

¹ Э п и п е н — средство экстренной помощи при острых аллергиях; инъекция адреналина в специальном одноразовом шприце, похожем на авторучку.

Глава первая

ДЖУБИЛИ

Однажды меня поцеловал мальчик, и я чуть не умерла.

Я понимаю, что это звучит так, будто бы я подросток, принимающий все слишком близко к сердцу, и что говорю это срывающимся голосом, рыдая взахлеб. Но я не подросток. И я имела в виду именно то, что сказала. Примерно так развивались события:

Мальчик поцеловал меня.

Губы начало покалывать.

Язык увеличился и заполнил рот.

Горло распухло, я не могла дышать.

Все потемнело.

И так довольно унизительно отключиться сразу после первого в жизни поцелуя, но еще унизительнее узнать, что парень поцеловал тебя на спор. Была ставка. Твой рот настолько, очевидно, не предназначен для поцелуев, что понадобилось пятьдесят долларов, чтобы убедить его прижать свои губы к моим.

А теперь самое интересное: я знала, что это может меня убить. По крайней мере, в теории.

Когда мне было шесть, мне поставили диагноз — контактный дерматит четвертого типа, вызываемый клетками кожи других людей. Если отбросить терминологию медицины: у меня аллергия на других людей. Да, *людей*. И — да, это редкая штука, настолько редкая, что я — одна из невероятно малого количества людей в истории, которые страдали от этого заболевания.

Проще говоря, появляются волдыри и крапивница, когда меня касается другой человек. Врач, который в итоге понял, чем именно я больна, высказал теорию, что самая сильная реакция — анафилактический шок — случалась от того, что мое тело слишком сильно реагировало на длительное воздействие на кожу или на пероральное попадание в него аллергенов, например, если я пила с кем-то из одного стакана, и слюна другого человека оказывалась у меня во рту. Он сказал: — Нельзя делиться едой и напитками. Никаких объятий. Никаких поцелуев. Это может тебя убить.

Но я была семнадцатилетней девушкой с влажными ладонями и подгибающимися коленями, в сантиметрах от меня были губы Донована Кингсли, и о последствиях я даже не думала — даже если они могли быть для меня смертельными. В тот момент — тот самый момент, когда у меня перехватило дыхание от того, что его губы коснулись моих... Осмелюсь сказать, мне почти показалось, что оно того стоило.

Пока я не узнала о пари.

Вернувшись домой из больницы, я отправилась напрямиком в свою комнату. И так и не покидала ее, хотя до конца моего последнего года в школе оставалось еще две недели. Диплом мне прислали по почте, уже летом.

Через три месяца моя мать вышла замуж за Ленни, владельца сети бензоколонок на Лонг-Айленде. Она собрала ровно один чемодан и ушла. Это было девять лет назад. И с тех пор я не покидала дом.

Я не проснулась как-то утром и не подумала: «А стану-ка я затворницей». Мне даже слово «затворник» не нравится. Оно мне напоминает о смертоносном пауке, затаившемся в ожидании, готовящемся впрыснуть яд в того, кто встретится на его пути.

Просто после моего почти смертельного первого поцелуя я не хотела выходить из дома, чтобы не наткнуться

ся на кого-нибудь из школы (и, думаю, меня можно понять). Не хотела и не выходила. То лето я провела у себя в комнате, слушая «Coldplay» и читая. Я много читала.

Мама посмеивалась надо мной из-за этого: «Вечно ты носом в книжку уткнешься». Она еще глаза закатывала, произнося эту фразу. Хотя я читала не только книги. Еще и журналы, газеты, брошюры... Да все, что попадалось под руку. И я почти все запоминала, хоть и не старалась. Это маме как раз нравилось. Она просила меня цитировать наизусть: перед друзьями (которых было не слишком-то много), перед ухажерами (которых, напротив, было слишком много). Так я показывала это странное знание, накопленное годами. Например, что очаровательные королевы бьют все рекорды по неверности среди птиц, или что правильное произношение имени доктора Сьюза рифмуется с «Джойс», или что Леонардо да Винчи изобрел пулемет (что, в общем, никого не удивляет, ведь он изобрел еще тысячи вещей). После этого представления она обычно широко улыбалась и пожимала плечами, приговаривая: «И в кого она такая?» А я на это обычно удивлялась, может, это и не так далеко от истины, ведь каждый раз, когда я набиралась храбрости спросить об отце — например, как его зовут, она огрызалась репликой вроде: «Да какая разница? Сейчас же его тут нет?»

По правде говоря, подростком я была сущим цирковым уродцем. И не потому что не знала, кто был моим отцом, не потому что помнила кучу случайных фактов. Я почти уверена, что ничего из этого не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Так было из-за моего здоровья, точнее, из-за того, как другие относились к нему: как к *состоянию*. И мое *состояние* было причиной тому, что моя парта в начальной школе должна была стоять не ближе двух с половиной метров от парт других учеников. И тому, что на перемене я должна была сидеть одна и смотреть, как другие дети выстра-

иваются в паровозик, играют в казаки-разбойники или висят на турниках. И тому, что меня заматывали в одежду с длинными рукавами, штанинами и заставляли носить рукавицы — ткань закрывала каждый сантиметр моего тела на случай, если какой-то ребенок из тех, от кого меня держали подальше, случайно лопнет тот невидимый пузырь, который окружал меня. И, конечно, я с открытым ртом глазела на матерей, которые, забирая детей из школы, стискивали их в объятиях. Я пыталась вспомнить это ощущение.

В общем, учесть все эти условия: мое *состояние*, случай с мальчиком, который почти убил меня поцелуем, отъезд матери... И вуаля — у вас появилась идеальная формула для того, как стать затворником. Или дело не в чем-то конкретном. Может, мне просто нравилось быть одной. В любом случае, что получилось, то получилось.

В какой-то момент я испугалась, что стала Страшилой Рэдли нашей округи. Я не была мертвенно-бледная, больной не выглядела, но, думаю, местные детишки меня опасались. Может, я слишком пристально смотрела из окна, когда они катались на самокатах. Несколько месяцев назад я заказала и повесила панельные шторы и начала выглядывать из-за них, но мне казалось, что это еще более жутко, чем когда меня просто было видно из окна. Но я не могла с собой совладать. Мне нравилось наблюдать, как они играют, впрочем, это и звучит пугающе, когда я так об этом рассказываю. Но мне было приятно видеть их радость, быть свидетелем нормального детства.

Однажды мальчишка посмотрел мне прямо в глаза, а потом повернулся к своему другу и сказал ему что-то. Они оба засмеялись. Я не могла услышать, над чем, так что притворилась, будто это было что-то вроде: «Смотри, Джимми, там опять эта милая симпатичная леди». Но боюсь, что скорее это было похоже на: «Смотри, Джимми, вот та сумасшедшая, которая ест кошек».

Кстати, кошек я не ела. Страшила Рэдли был неплохим человеком, но про него все равно болтали всякое.

Однажды зазвонил телефон. Я оторвалась от книги и сделала вид, что собиралась не брать трубку. Но знала, что все равно отвечу на звонок. Даже если для этого нужно было выбраться из затертого плюша моего кресла и пройти семнадцать (да, я считала) шагов до кухни, чтобы взять горчично-желтую трубку, так как мобильного телефона у меня не было. Даже если бы мне опять пытались что-то продать (такие мне часто звонили) или даже если это была моя мать, которая звонила мне три-четыре раза в год. Даже если сейчас в тот момент я читала ту главу книги, где детектив и убийца наконец оказались в одной церкви после игры в кошки-мышки на протяжении последних двухсот семидесяти четырех страниц. В тот день я ответила на звонок по той же причине, по которой отвечаю всегда: мне нравится слышать голос другого человека. Или, может, мне нравится звук собственного голоса.

Дзызызызызынь!

Я встала.

Отложила книгу.

Семнадцать шагов.

— Алло?

— Джубили?

Я не узнала этот мужской голос и пыталась угадать, что он продает. Таймшер? Услуги нового провайдера интернета, у которого скорость в восемь раз быстрее, чем у предыдущего? Или, может, он проводит опрос? Однажды я сорок пять минут проговорила о моих любимых вкусах мороженого.

— Да?

— Это Ленни.

Ленни. Муж моей матери. Я видела его всего раз — много лет назад, пока они встречались, до ее переезда на Лонг-Айленд. Больше всего мне врезалось в память